

Е.Ж. Есенгараев*, Т.Н. Пупышева

*Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, Казахстан
(E-mail: esetkar@mail.ru; ptm7@mail.ru)*

Институты и общество

Об институтах, общественных системах и проблеме их трансформации написано множество работ. Большинство из них явно или неявно опираются на идеи экономического или технологического детерминизма. Редукционизм, как способ анализа, остается наиболее привлекательным для большинства исследователей. Авторы, приверженные такой логике, рассматривают институты и общественные системы, а также их эволюцию через призму одного из решающих факторов. К таким факторам, в зависимости от парадигмальной принадлежности ученого, относят способ производства, технологические инновации, географические условия. Эти аргументы больше избавляют авторов от сомнений, чем непротиворечиво объясняют причины, по которым в одних случаях данные факторы оказали позитивное воздействие на ограниченное количество обществ, а большинство же стран не смогли обратить их себе на пользу. Нежелание соглашаться с очевидной ограниченностью однофакторного подхода нередко приводит к эклектике или апологии исторического случая. Альтернативой редукционизму является структурный подход. Благодаря ему такой сложный феномен, как общество, не сводится к одному началу и рассматривается как исторически сформированная структура институтов. Структурный подход позволяет объяснять различия в устройстве общественных систем не через сведение их к определенному материальному началу, а через соотношение институтов. Институциональная структура определяет тип общественной системы, а модернизация традиционного общества возможна лишь при условии трансформации ее институциональной структуры. Необходимого уровня теоретической конкретизации, и как следствие, более точного эмпирического подтверждения своих идей, институционально-структурному подходу позволил достичь когнитивизм.

Ключевые слова: общество, общественная система, институт, институционализация, легитимация, социальная идентичность, дифференциация, диверсификация.

Введение

Проблема развития, являясь одной из фундаментальных как для отдельного индивида, так и для общественных систем, значительно обострилась в современную эпоху. Индивидов, сообществ и организации, а также страны, не соответствующие требованиям современного развития, постигает участь аутсайдеров. Многократные разрывы в уровне развития между различными странами заставляют задаваться вопросами: почему одни страны лидируют, являются процветающими и ведущими, а другие — живут в крайней нужде. Очень актуальны и вопросы, связанные с объяснением причин, почему некоторые страны застряли во «втором эшелоне» на десятилетия, а некоторые и на столетия.

Для объяснения феномена развития и, в частности, процесса формирования современной общественной системы анализ необходимо перенести с количественных критериев на качественные, то есть на структурные, аспекты. Развитие общества, если под этим понимать не внутренние изменения в рамках одной общественной системы, а переход от одной общественной системы к другой, следует рассматривать как изменение формы, определяющей отношения между институтами, то есть как трансформацию. Общественные системы — это определенные формы, образуемые особым сочетанием других социокультурных форм, которые принято называть социальными институтами. И поэтому качественные изменения, ведущие к переходу от одной общественной системы к другой, являются трансформацией, то есть изменением институциональной формы, приводящей к возникновению нового типа организации институтов общества [1; 70].

Развитие общества происходит за счет изменений его структуры. При этом структурные изменения общественной системы — способность общества формировать определенные институты и достигать их более сложных конфигураций. История Нового времени, и особенно двадцатого века, позволила убедиться, что большинство стран мира, не сумевших обеспечить структурные изменения, трансформировать свои социокультурные системы, при всех отдельных и порой масштабных достижениях не смогло решить проблему современного развития. При отсутствии достаточных возможно-

* Автор-корреспондент. E-mail: esetkar@mail.ru (Е.Ж. Есенгараев)

стей для структурного изменения такие страны добивались успехов, порой значительных, но не смогли создать институциональную структуру, обеспечивающую более устойчивый рост.

В течение последних двух-трех столетий такой рост обеспечивает лишь институциональная структура, которую отличает высокий уровень автономии ее элементов и общее усложнение характерных для нее социокультурных процессов. В совокупности эти процессы дифференциации и диверсификации позволяют изменить традиционный иерархический порядок на более сложный тип — полицентрический.

Методы исследования

Методологической базой исследования выступили концепции, объясняющие структуру общества и ее трансформацию, теории Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Т. Веблена, а также институциональные теории Т. Парсонса, П. Бергера и Т. Лукмана, Ж. Делеза. В связи с многоаспектностью темы исследования для обеспечения результативности и релевантности проведенного теоретического анализа был использован интегральный подход, позволяющий сочетать следующие методы в рамках качественной методологии: описательные методы и метод сравнительного анализа.

Результаты и их обсуждение

Во второй половине XX в. основной концепцией, позволяющей объяснять структуру общества и ее трансформацию, стал институционализм. Его основу заложили Герберт Спенсер [2], Эмиль Дюркгейм [3], Торстейн Веблен [4]. Дальнейшая конкретизация институциональной теории во многом происходила под влиянием идей и концептов Толкота Парсонса [5, 6]. Несмотря на моду критически оценивать нормативные представления Толкота Парсонса, значение его институциональной теории велико и в наше время. Новый импульс институционализм приобрел благодаря конструктивистской концепции Питера Бергера и Томаса Лукмана [7]. Среди обширной литературы об институтах необходимо особо выделить работы Жюль Делеза [8–10], его, как и Парсонса, Бергера и Лукмана, отличает видение институтов как первичных и позитивных социальных конструктов.

Начиная с 80-х гг. XX столетия, работы по институционализму приобретали лавинообразный характер. Как следствие, произошла неизбежная диверсификация представлений о социальных институтах, и редакторы известного сборника по неинституционализму Пол Димаджио и Уолт Пауэлл отмечают, что на данный момент легче сказать, что не является институтом, чем утверждать обратное [11]. В определенной степени соглашаясь с их мнением, хотелось бы подчеркнуть, что все-таки большинство работ представляют собой детализацию нескольких базовых подходов к институтам и не несут особой теоретической новизны. Для масштабных объяснений социокультурных процессов и общественных трансформаций существенное значение имеет, несомненно, более ограниченный круг концепций. Среди них, кроме последователей Парсонса и конструктивизма, наиболее широко представлены работы экономических институционалистов. Представители этого направления сыграли большую роль в популяризации институционализма. Однако их отличает слишком узкое понимание институтов, и, в своей основе, они ограничивают свой анализ институтов лишь сведением их лишь к правилам, издержкам и выгодам. Наиболее известными представителями этого направления являются Д. Норт [12, 13], А. Грейф [14], Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон [15, 16].

Как уже отмечалось, новый импульс современная институциональная теория получила благодаря содержательной работе «Социальное конструирование реальности» Питера Бергера и Томаса Лукмана [6]. Авторам этой одной из самых часто цитируемых работ современной социологии удалось синтезировать классические идеи институционализма с достижениями когнитивизма. Такой синтез позволил создать новую концепцию институтов, в которой понимание структурирующей и принудительной силы институтов, присущее классическому институционализму, сочетается с идеями когнитивизма, позволившими конкретизировать механизмы работы институтов.

Бергер и Лукман рассматривают институты и в целом общество как когнитивные феномены, как социальные конструкты, сформированные и воспроизводимые на основе определенных массивов знаний. От того, какого типа массивы знаний доминируют в том или ином обществе, зависит, какие сценарии и рецепты будут определять решение существующих проблем, а также мотивационную динамику институционального поведения. Институциональные знания программируют каналы, по которым процессы экстернализации создают объективный мир общества и социальных институтов, а объективированный мир через интернализацию обратно воздействует на социальных деятелей. Поэтому социокультурные знания Бергер и Лукман считают сердцевинной фундаментальной диалектики

общества. Они полагают, что институционализация имеет место везде, где происходит взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иными словами, все виды таких типизаций являются институтами [7; 92]. Институт, по Бергеру и Лукману, также формирует такую взаимосвязанность, когда действие типа X совершается деятелями типа X. Выявление такой взаимосвязанности обладает важнейшей теоретической ценностью, к сожалению, не получившей должного признания и дальнейшего развития в других направлениях социологии. Такое невнимание к проблеме соответствия типизированных действий и типизированных деятелей можно объяснить тем, что в обществах, где развита современная социология, такой проблемы фактически не существует. А в обществах, где социология только формируется, данное соотношение между типизированными действиями и типизированными деятелями еще не может быть в полной мере осознано.

В целом, на основе концепции типизированных деятелей Питера Бергера и Томаса Лукмана можно прийти к следующим выводам:

– в высокодифференцированных обществах исторически укоренилась практика, эффективно формирующая взаимообусловленность типов институциональных действий и типов деятелей. В отличие от них, для слабодифференцированных обществ характерно преобладание и слабодифференцированных социальных деятелей;

– в результате, условно говоря, в таких обществах для традиционных действий типа X нет недостатка в деятелях типа X, но когда надо совершать действия типа Y, которые им раньше не были свойственны, то их чаще всего будут также выполнять деятели типа X, так как другие типы деятелей фактически отсутствуют;

– в результате институциональная специализация в таких обществах, как правило, носит узкотехнический характер, не достигая уровня типизированных деятелей;

– при отсутствии типизированных деятелей или их крайней ограниченности существует хроническая проблема эффективности выполнения институциональных ролей, в силу чего качество современных институтов является неизбежно низким.

Институциональные отношения и деятели могут быть идентифицированы и закреплены лишь в рамках определенного словаря. Все определения, сценарии, рецепты институционального поведения основываются и закрепляются на основе лингвистических объективаций. Благодаря лингвистическим объективациям происходит закрепление типизированных действий, определяются идентичности институциональных деятелей и обосновывается система релевантности определенного сообщества. Правомерность такого вывода подтверждается данными, полученными в рамках истории модернизаций. История модернизации свидетельствует, что формирование новых институтов происходило успешно лишь при возникновении нового словаря, новых лингвистических объективаций. И, наоборот, в обществах, где не происходило должного изменения словаря, не изменялась и традиционно присущая им система релевантностей. В результате неразвитости современного языка в таких обществах хронически не может быть достигнута необходимая степень лингвистической объективации новых институциональных отношений. Неразвитость современного словаря затрудняет не только формирование базовых объективаций, но и достижение необходимого для эффективной деятельности институтов уровня эксплицитности современных социокультурных знаний.

Институты нуждаются в легитимации. По мнению Бергера и Лукмана, легитимация — это способ объяснения и оправдания институтов [7; 103], обеспечивающий их защитным покрывалом когнитивно-нормативных интерпретаций, благодаря которым они приобретают в рамках определенной социокультурной системы статус «законных», «правильных», «само собой разумеющихся». Кроме того, в легитимных институтах эффективно утверждается власть институтов над индивидами за счет сохранения и поддержания приоритетов институциональных определений ситуаций, которые становятся бесспорными, само собой разумеющимися и, благодаря такому восприятию данных определений, эффективно принудительными. Такой механизм принуждения, считают Бергер и Лукман, предвосхищающая идею габитуса Пьера Бурдьё, приводит к формированию человека со способностями к «спонтанному» поведению в рамках институционально установленных способов деятельности.

Институты придают обществу стабильность, они не только определяют основные способы взаимодействия социальных деятелей, но и собственно производят самих этих деятелей. Исходя из таких представлений, институты есть исторически сформированные способы устойчивого коллективного взаимодействия людей [17; 288]. Благодаря интернализации социальными деятелями институциональных когний и основанных на них нормативных экспектаций формируются коллективные предрасположенности действовать определенным образом. В конечном счете, в процессе длительных

практик происходит социализация членов института, тем самым формируются типы деятелей, соответствующих его требованиям, или, выражаясь в духе концепции Питера Бергера и Томаса Лукмана, длительная типизация действий порождает типизированных деятелей, которые в свою очередь являются условием эффективного воспроизводства типизированных действий [18; 52].

Одна из важнейших предпосылок и одновременно один из результатов институционализации общества — формирование идентичности членов института, являющейся конгруэнтной его нормам. Идентичность при этом определяется как относительно устойчивый результат процессов, связанных с достижением определенного уровня когерентности идентификаций социальных деятелей, позволяющих им более или менее непротиворечиво определять себя и свою принадлежность к сообществам и тем самым иметь возможность отвечать на вопросы: «Кто я?» и «Кто мы?».

Идентичность членов института, с одной стороны, определяется институциональными когнициями и нормативными ожиданиями, а с другой — является одним из важнейших условий эффективного воспроизводства институциональных норм. Именно появление деятелей, чья идентичность обязывает их быть преданными определенным институтам, позволяет последним обрести необходимую устойчивость и эффективность. Идентичности в своей основе, как правило, не могут быть результатом выбора отдельного человека или социальной группы, а являются определенным итогом возможностей структурирования уже имеющихся в данном социокультурном контексте идентификаций. При этом индивиды и социальные группы в большинстве случаев привержены идентификациям, доминирующим в том или ином обществе. В отличие от доминирующих в обществе идентификаций, альтернативные им идентификации не имеют должного когнитивного подкрепления, а также легитимности. В результате, социальные деятели под воздействием массивов когниций, имеющих принудительный характер, как правило, обнаруживают склонность идентифицировать себя с теми атрибутами и объектами, которые в данном обществе являются наиболее легитимными. Социальная идентичность, способная обеспечить, с одной стороны, определенную стабильность, а с другой — развитие, в современном мире имеет свои вариации, в зависимости от социокультурных особенностей [19; 7].

Институты обретают свое конкретное значение как элементы определенной институциональной структуры. Именно институциональная структура, а не отдельные институты определяют тип общества. Исходя из конститутивной роли институциональных структур, на их основе можно выделить два макротипа общества: иерархический и полицентрический [20; 218–219]. Первый макротип общественных систем можно определить как иерархический, он получил наибольшее распространение в истории. Страны, относящиеся к такому типу общества, преобладают и в современную эпоху. По причине того, что такие общества исторически предшествовали современным и их воспроизводство в течение длительного времени определялось стремлением к поддержанию существующих институциональных структур, здесь также будут определяться иерархические системы как традиционные.

Общественная система полицентрического типа является исторически более поздним феноменом, возникшим как следствие модернизации. Поэтому можно определить общественные системы полицентрического типа так же, как современные. Выделяемые типы общественных систем есть результат абстрагирования от конкретных особенностей множества исторических образований в прошлом и настоящем. В каждом отдельном обществе можно найти институты и отношения, которые в той или иной степени противоречат базовым структурным свойствам, определяющим отнесение конкретного общества к тому или иному типу. Но на уровне макроструктурных характеристик обществ возможно эмпирически очень убедительно выявлять наличие двух основных структурных образований: иерархического и полицентрического.

Первому типу общественной системы при всех цивилизационных особенностях и специфике отдельных стран присуще доминирование двух институтов — власти и религии. В современный период в общественных системах данного типа религию в ряде случаев замещает идеология. Отношения между институтами в данной системе носят иерархический характер, приводящий к тому, что все остальные институты занимают подчиненные позиции по отношению к двум господствующим.

Второй макротип общественной системы отличает плюралистический характер отношений между институтами и отсутствие господствующего центра. Такой тип отношений между институтами характерен для всех обществ данного макротипа, несмотря на присущие им цивилизационные и страновые различия.

В истории социологии два макротипа общественных систем выделяли Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Фердинанд Тённис, Шмозль Эйзенштадт. Каждый из классиков социологии внес свой

вклад в обоснование двух основных типов общественных систем. С развитием теоретических возможностей социологии возростал и уровень эксплицитности концепций по типологии обществ. Уровень конкретизированности концепции общественных макротипов Эйзенштадта является выражением уровня развития социокультурной теории. Эйзенштадт, признавая множественность вариаций общественных систем, считает, что существуют два макротипа: плюралистический, или освобожденный, и монистический, или совмещающий. В плюралистических обществах, по его мнению, имеет место автономия институтов, существует множественность культурных моделей, элиты придерживаются позиций, которые являются плюралистическими и открытыми. Также данный тип общества отличает ориентированность на будущее, концепция необратимого времени, а не циклического. В традиционных обществах наблюдается устойчивая тенденция к формированию многочисленных тщательно разработанных систем ранговых иерархий. В таких обществах не возникают или слабы предпосылки формирования общностей, которые обладали бы сознанием общенациональной идентичности. Вместо этого наблюдается наличие многих мелких территориальных, профессиональных и других локальных групп, стремящихся к воспроизводству закрытых статусов [21; 114–115].

Конститутивная роль институциональной структуры для общества подтверждается и двумя масштабными историческими событиями, повлекшими за собой радикальную смену политических режимов и форм собственности, — Октябрьской революцией и распадом СССР. Эти масштабные события привели к радикальным изменениям в политической системе и социально-экономических отношениях. В результате таких перемен у абсолютного большинства членов общества изменились социальные статусы и общественные взгляды. Но, несмотря на столь кардинальные политические и социально-экономические изменения, советское общество было, а большинство постсоветских в своей основе остается иерархическим.

После 1917 года в Советском Союзе, даже с учетом модернизаторских целей советской власти, способствовавших определенному развитию современных тенденций в общественном развитии, степень иерархии институтов по сравнению с дореволюционным периодом еще более усилилась. Если рассмотреть институциональную структуру после распада СССР, то в ней также произошли очень существенные изменения, в том числе и расширение плюралистических тенденций, однако они, в целом, не привели к формированию полицентрической структуры институтов. В результате, в обоих случаях, несмотря на масштабные изменения в обществе, его институциональная структура осталась иерархической, что в первом случае привело к неудаче советской модернизации, а во втором — к сохранению в большинстве постсоветских стран доминирования традиционно-иерархических норм. Опыт постсоветских модернизаций позволяет прийти к выводу о невозможности перехода к современным общественным отношениям путем импорта институтов западного происхождения, когда общества-реципиенты не обладают необходимыми когнитивными ресурсами. Когда они не имеют необходимой массы социальных деятелей, которые по своему габитусу и идентичностям были бы предрасположены к более эффективному восприятию модернизационных ценностей и практик.

Потребность в модернизации продолжает вынуждать развивающиеся страны заимствовать современные институты. Однако в большинстве случаев, за исключением нескольких стран Юго-Восточной Азии, заимствование современных институтов не привело к образованию в странах-реципиентах современной институциональной системы. Основная причина здесь в том, что институты заимствовались и воспроизводились на основе их узкотехнической интерпретации, на основе понимания их лишь как технологий, призванных обеспечить экономическое развитие стран-реципиентов. Но так как институты — это не просто набор технических операций, а сложные когнитивно-нормативные образования, то очень быстро выяснилось, что попытки их сведения лишь к набору узкотехнических функций не приводили к эффектам, производимым теми же институтами в контексте своего происхождения.

Проблемы, с которыми массово столкнулись развивающиеся страны при упрощенном инкорпорировании современных институтов, дают обширный эмпирический материал для понимания структуры институтов и условий их эффективной работы. Ситуация с заимствованными институтами фактически является для исследователей институтов масштабной экспериментальной лабораторией, позволяющей более явно увидеть, как устроены институты и какова степень их эффективности, когда они оказываются лишены определенных параметров, которые органично им присущи в контексте их происхождения. Заимствованные институты в контексте общества-реципиента оказываются, прежде всего, лишены необходимых объемов современных социокультурных когниций, без которых невозможно их полноценное формирование. Несмотря на то, что под влиянием когнитивизма в последнее

время произошло значительное продвижение в понимании институтов, тем не менее, этот аспект — проблема когнитивного дефицита — остается недостаточно исследованным.

В условиях, когда современные институты не могут быть заимствованы со всем объемом наработанных ими знаний, а собственные возможности стран-реципиентов по генерированию современных когниций чаще всего крайне ограничены, заимствованные институты оказываются лишь определенными фрагментами по сравнению со своими первоначальными образцами. Современные социальные институты, являющиеся образцами для развивающихся стран, длительное время формировались в сложном дифференцированном контексте, и в рамках такого контекста были обеспечены совершенно другими объемами институциональных знаний, а также социализированными на их основе деятелями. Эти же институты при заимствовании оказываются лишенными тех же объемов необходимых социокультурных знаний, а также типов деятелей, сформированных в течение длительного времени. Именно невозможность при импорте институтов заимствовать весь объем наработанных веками институциональных знаний и очень часто ограниченные возможности их развития в собственном контексте, а иногда фактическое отсутствие такой возможности приводят к тому, что заимствованные институты в обществах-реципиентах фактически могут быть воспроизведены лишь фрагментарно и, соответственно, они неизбежно более неэффективны, чем их прототипы в развитых странах. Нередко заимствованные институты в развивающихся странах совпадают со своими аналогами в современных обществах лишь по названию, а фактическое содержание их деятельности, если и совпадает, то лишь в некоторых аспектах. Такое состояние заимствованных институтов — это объективное следствие комплекса причин, среди которых наиболее основным является дефицит базового для них когнитивного ресурса.

Члены заимствованных институтов существенно уступают в производительности членам укорененных институтов. Различия в производительности и в качестве деятельности между членами институтов, существующие в различных социокультурных контекстах, заключаются в том, что одни, будучи укорененными в социокультурном контексте, не только не затрудняются в определении тех или иных ситуаций и их интерпретаций, но и эффективно принуждаются к соответствующему поведению. В результате, институциональный деятель становится высокопроизводительным не только из-за своих способностей, которые также более эффективно развиваются в благоприятном институциональном контексте, их эффективность — это следствие социализации в насыщенном контексте само собой разумеющихся значений. В то же время их коллеги в условиях заимствованных институтов регулярно затрудняются с нахождением институциональных решений существующих проблем, так как они чаще всего обеспечены только ограниченными фрагментами знаний, необходимых для таких решений. Такое положение дел является объективным, так как формирование специальных знаний, необходимых для операциональной деятельности, требует достаточно длительного времени. За небольшой период можно достичь лишь формирования институциональных знаний «хрестоматийного характера», но невозможно получить разветвленные массивы сложных и нюансированных знаний. При этом, как правило, в развивающихся странах отсутствуют благоприятные возможности для интенсивного формирования необходимых массивов операциональных знаний. Их социокультурные ресурсы позволяют развивать лишь наиболее доступные и явные аспекты институционального знания, а более сложные и неявные аспекты институционального знания остаются недоступными для институциональных деятелей развивающихся стран и в лучшем случае известны им фрагментарно. В результате институциональная деятельность тех, кто не опирается на разветвленный массив нюансированных значений, оказывается неизбежно более неэффективной, чем деятельность тех, чья институциональная социализация протекала в условиях, насыщенных необходимыми знаниями.

Институциональные деятели должны обладать не только необходимым объемом специальных и общих знаний об институциональных нормах и взаимодействиях на их основе, но и «описательной компетенцией» в отношении самих себя [22; 13]. Однако в большинстве развивающихся стран члены заимствованных институтов не могут быть обеспечены необходимым объемом специальных и общих знаний, и, как следствие, у них низкий уровень компетенции в понимании институциональных проблем, а также они испытывают трудности с формированием «описательной компетенции» в отношении своей роли и в целом институциональной идентичности.

Институты нуждаются в легитимации, но ее нельзя обеспечить лишь на основе определения их необходимости для развития общества. Для признания и укоренения современных институтов необходима более сложная легитимация, а для этого, в свою очередь, требуется, как отмечали Питер Бергер и Томас Лукман, достижение высокой концептуальной изощренности. Данный вывод Бергера и

Лукмана подтверждается как историей становления и легитимации современных институтов в развитых странах, так и хроническими проблемами по их легитимации в развивающихся странах. Социокультурные концепты, на которые могут опираться в этих странах для легитимации процессов модернизации, имеют крайне низкий уровень эксплицитности, и, соответственно, их семантический потенциал оказывается малоубедительным. При таком уровне развития современных социокультурных концептов сторонникам модернизации в развивающихся странах приходится довольствоваться фрагментарными и эклектическими теориями институциональной деятельности. Как следствие, такой когнитивной ситуации в развивающихся странах, заимствованные институты не могут достичь необходимого уровня легитимности, а из-за недостаточной легитимности современных институтов, точнее их фрагментов, они оказываются и слишком открытыми для оппортунистических интерпретаций. Как следствие, среди их членов широко распространены поведенческие практики, не соответствующие институциональным нормам. При этом такие практики нельзя назвать девиантными, так как они являются укорененными в социокультурном контексте развивающихся стран. Укорененные в традициях развивающихся стран практики успешно порождают не только соответствующее им поведение социальных деятелей, но из-за своей массивности и регулярности они подавляют нормы заимствованных институтов, и в результате нередко именно приверженность нормам заимствованных институтов может стать девиацией, а отклонение от институциональных норм — базовыми способами типизаций взаимодействий членов института.

В таких социокультурных условиях заявления о необходимости следования институциональным нормам малоэффективны и фактически декларативны, прежде всего, по причине отсутствия достаточных массивов знаний, способных успешно принуждать членов института следовать им, создавать у них соответствующую «мотивационную динамику». Для повышения значимости норм современных институтов в развивающихся обществах должны возникнуть условия для производства способов семантического предупреждения девиаций, способов, благодаря которым отклонения могли бы быть минимизированы не за счет прямых репрессий, а за счет когнитивного принуждения. Другими словами, должны быть выработаны концепции, позволяющие переинтерпретировать представления, легитимирующие традиционные модели поведения членов заимствованных институтов. Но в институционально слабодифференцированных обществах доминирующие традиционные способы концептуального структурирования существующих проблем по своему содержанию очень часто не соответствуют нормам современных институтов, и тем самым из-за их преобладания в рамках новых институтов объективно возникают условия, благоприятные для девиантных интерпретаций и поведения институциональных деятелей.

Заключение

Таким образом, в условиях, когда институциональные деятели лишены необходимых современных знаний, они вынуждены решать свои проблемы, опираясь на более разветвленные массивы традиционных знаний. Более того, по логике социального знания они принуждаются к определениям и интерпретациям, которые господствуют в данном контексте. И, как правило, в развивающихся странах логика доминирующих традиционных знаний противоречит когнициям, необходимым для формирования и деятельности современных институтов.

В зависимости от особенностей базовых когниций, контекстуальных знаний определенного общества формируется и система его релевантностей, предопределяющая инвестиции времени и сил в определенные виды познания и деятельности. Значение систем релевантности, исторически укорененных в определенном обществе, можно наглядно увидеть на фактах, связанных с попытками специального стимулирования развития современного образования и науки в развивающихся странах. При всех усилиях в большинстве развивающихся стран обнаружилось хроническое затруднение по генерированию современных знаний, особенно социокультурных. География затруднений в целом совпадает со странами «второго» и «третьего» мира, а центры современной социогуманитарной мысли в основном находятся в развитых странах. Исходя из такой географии развития современных социокультурных знаний, можно сделать несколько выводов. Во-первых, существует тесная корреляция между уровнем развития страны и уровнем развития в ней современных социокультурных когниций; во-вторых, центры развития современных социокультурных когниций расположены в странах с длительной традицией развития сложных знаний; в-третьих, заимствование современных социокультурных знаний, как и возможности их генерирования, достаточно жестко зависят от системы релевантности того или иного общества.

Основные результаты, достигнутые когнитивистской версией институционализма, наиболее концентрированно можно увидеть при анализе модернизационных процессов в обществах, которым свойственны хронические затруднения с формированием современных институтов. Институциональные практики, ставшие для современных обществ само собой разумеющимся, и, соответственно, не вызывающим специального внимания нормальным состоянием, для большинства развивающихся стран являются трудно достижимыми, а иногда и фактически недостижимыми. Для большинства стран неорганичной модернизации свойственны хронические проблемы с генерированием социокультурных когниций, необходимых для формирования современных институтов. Такие же трудности они испытывают из-за несовпадения в этих обществах темпов развития технических аспектов современных институтов и сфер общества, которые должны быть социокультурной основой для новых институтов.

Развитие современных институтов в развивающихся странах во многом сильно затрудняется и даже блокируется из-за недостатка и зачастую отсутствия их легитимности. Порой современные институты или, точнее, их фрагменты в развивающихся обществах не только не имеют должной легитимности, но даже существуют в условиях их отрицания со стороны большинства членов данных обществ. Также выводы П. Бергера и Т. Лукмана о ролевой репрезентации и необходимых для этого типизированных деятелях позволяют видеть в развивающихся обществах массовое и устойчивое расхождение между выполняемыми ролями и отсутствием необходимых для таких действий типичных деятелей.

Достижение уровня, когда институт может эффективно типизировать деятелей, связано со степенью его укорененности в определенном общественном контексте, что, в свою очередь, представляет сложный и довольно длительный процесс. При хронических затруднениях, связанных с достижением необходимого уровня социокультурной укорененности новых заимствованных институтов, характерных для развивающихся стран, в этих обществах современные институты не могут обрести необходимый уровень признаний и влияний. А значит, в таких обществах наиболее влиятельными остаются традиционные институты, тем самым сохраняя и традиционный в своей основе тип общества.

Статья написана в рамках исследования, финансируемого Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (грант № AP09259979, договор № 161/36–21–23 от 07.04.2021 г.).

Список литературы

- 1 Есенгараев Е.Ж. Общество, институты и социальная наука / Е.Ж. Есенгараев. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. — 312 с.
- 2 Спенсер Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. — Киев: Ника-Центр, 1997. — 513 с.
- 3 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. — М.: Наука, 1991. — 575 с.
- 4 Веблен Т. Теория праздного класса. — 4-е изд. / Т. Веблен. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011. — 365 с.
- 5 Парсонс Т. Общий обзор / Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / Г.В. Осипов. — М.: Прогресс, 1972. — С. 360–378.
- 6 Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. — М.: Академический Проект, 2000. — 880 с.
- 7 Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
- 8 Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. — М.: Изд-во гуманит. лит. 1998. — 172 с.
- 9 Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делез. — М.: ПЭРСЕ, 2001. — 143 с.
- 10 Делез Ж. Мая 68-го не было / Ж. Делез. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 96 с.
- 11 DiMaggio P.J., Powell W.W. The New Institutionalism in Organizational Analysis / P.J. DiMaggio, W.W. Powell. — Chicago: University of Chicago Press, 1991. — 486 p.
- 12 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
- 13 Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. — М.: ГУ «ВШЭ», 2010. — 256 с.
- 14 Греф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / А. Греф. — М.: ГУ «ВШЭ», 2013. — 536 с.
- 15 Аджемоглу Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон. — М.: АСТ, 2016. — 704 с.

- 16 Асеомглу Д. Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асеомглу, Дж. Робинсон. — М.: ГУ «ВШЭ», 2015. — 512 с.
- 17 Есенгараев Е.Ж. Переходное общество: институциональный анализ / Е.Ж. Есенгараев // Проблемы теоретической социологии. — Вып. 4. — СПб.: НИИХ СПбГУ, 2003. — С. 284–294.
- 18 Есенгараев Е.Ж. Реформы и институциональная теория / Е.Ж. Есенгараев // Саясат–Policy. — 2003. — № 4. — С. 48–57.
- 19 Есенгараев Е.Ж. Идентичность как проблема современного мира / Е.Ж. Есенгараев // Идентичность в современном мире: Материалы Междунар. науч.-теор. конф. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. — С. 3–10.
- 20 Есенгараев Е.Ж. Структурный подход к типологии обществ / Е.Ж. Есенгараев // Стратегия Казахстан — 2050: сб. материалов V Конгр. социологов Казахстана. — Алматы, 2014. — С. 215–223.
- 21 Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение обществ / Ш. Эйзенштадт. — М.: Аспект-Пресс, 1999. — 416 с.
- 22 Рикер П. Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью / П. Рикер. — М.: КАМІ АCADEMIA, 1995. — 160 с.

Е.Ж. Есенгараев, Т.Н. Пупышева

Институттар мен қоғам

Институттар, әлеуметтік жүйелер және оларды өзгерту мәселесі туралы көптеген жұмыстар жазылды. Олардың көпшілігі экономикалық немесе технологиялық детерминизм идеяларына нақты немесе нақты емес сүйенеді. Редукционизм талдау әдісі ретінде көптеген зерттеушілер үшін ең тартымды болып қала береді. Мұндай логиканы ұстанатын авторлар институттар мен әлеуметтік жүйелерді, сондай-ақ олардың эволюциясын шешуші факторлардың бірінің призмасы арқылы қарастырады. Осындай факторларға ғалымның парадигматикалық құрамына байланысты өндіріс әдісі, технологиялық инновациялар және географиялық жағдайлары жатады. Осы дәлелдер авторларды күмәннен арылтады, өйткені олар кейбір жағдайларда бұл факторлардың шектеулі қоғамдарға оң әсерін тигізген себептерін дәйекті түрде түсіндіреді, бірақ көптеген елдер оларды өздеріне пайдалы ете алмады. Бір факторлы тәсілдің айқын шектеулерімен келісуді қаламау көбінесе тарихи істің эклектикасына немесе аполлогиясына әкеледі. Редукционизмге балама құрылымдық тәсіл болып табылады. Оның арқасында қоғам сияқты күрделі құбылыс бір қағидаға енбейді және институттардың тарихи қалыптасқан құрылымы ретінде қарастырылады. Құрылымдық тәсіл әлеуметтік жүйелер құрылымындағы айырмашылықтарды оларды белгілі бір материалдық принципке азайту арқылы емес, институттардың қатынасы арқылы түсіндіруге мүмкіндік береді. Институционалды құрылым әлеуметтік жүйенің түрін анықтайды, ал дәстүрлі қоғамды модернизациялау оның институционалды құрылымын өзгертен жағдайда ғана мүмкін болады. Теориялық нақтылаудың қажетті деңгейі, нәтижесінде олардың идеяларын неғұрлым нақты эмпирикалық растау, институционалды және құрылымдық көзқарас когнитивизмге қол жеткізуге жағдай жасайды.

Кілт сөздер: қоғам, қоғамдық жүйе, институт, институционализация, заңдастыру, әлеуметтік сәйкестік, саралау, әртаратандыру.

E.Zh. Esengaraev, T.N. Pupysheva

Institutions and society

Many works have been written about institutions, social systems and the problem of their transformation. Most of them are directly or indirectly based on the ideas of economic or technological determinism. Reductionism as a method of analysis remains the most attractive for the majority of researchers. Authors adhering to this logic consider institutions and social systems as well as their evolution through the prism of one of the decisive factors. These factors, depending on the paradigm affiliation of the scientist, include the mode of production, technological innovation, and geographical conditions. These arguments relieve the authors of doubts more than they consistently explain the reasons why in some cases these factors had a positive impact on a limited number of societies, while most countries were not able to turn them to their advantage. Unwillingness to agree with the obvious limitations of the one-factor approach often leads to eclecticism or apology for the historical case. An alternative to reductionism is the structural approach. Thanks to it, as complex a phenomenon as society is not reduced to one basis and is considered as a historically formed structure of institutions. Structural approach allows to explain the differences in the structure of social systems not through their reduction to a certain material principle, but through the correlation of institutions. The institutional structure determines the type of social system, the modernization of a traditional society is possible only if its institutional structure is transformed. The necessary level of theoretical concretization, and as a result, a more accurate empirical confirmation of their ideas, of the institutional-structural approach was achieved by cognitivism.

Keywords: society, social system, institution, institutionalization, legitimation, social identity, differentiation, diversification.

References

- 1 Esengaraev, E.Zh. (2017). *Obshchestvo, instituty i sotsialnaia nauka* [Society, institutions and social science]. Karaganda: Izdatelstvo Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].
- 2 Spenser, G. (1997). *Sinteticheskaia filosofiiia* [Synthetic Philosophy]. Kiev: Nika-Tsentr [in Russian].
- 3 Diurkheim, E. (1991). *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Sociology method]. Moscow: Nauka [in Russian].
- 4 Veblen, T. (2011). *Teoriia prazdnogo klassa* [Theory of the leisure class]. Moscow: LIBROKOM [in Russian].
- 5 Parsons, T. (1972). *Obshchii obzor* [General review] / *Amerikanskaia sotsiologiiia. Perspektivy, problemy, metody — American Sociology. Prospects, problems, methods*, 360–378 [in Russian].
- 6 Parsons, T. (2000). *O strukture sotsialnogo deistviia* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii Proekt [in Russian].
- 7 Berger, P., & Lukman, T. (1995). *Sotsialnoe konstruirovaniie realnosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium [in Russian].
- 8 Delez, Zh. (1998). *Fuko* [Fuko]. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoi literatury [in Russian].
- 9 Delez, Zh. (2001). *Empirizm i subektivnost: opyt o chelovecheskoi prirode po Yumu. Kriticheskaia filosofiiia Kanta: uchenie o sposobnostiakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and Subjectivity: Hume's Experience of Human Nature. Kant's Critical Philosophy: The Study of Ability. Bergsonism. Spinoza]. Moscow: PERSE [in Russian].
- 10 Delez, Zh. (2016). *Maia 68-go ne bylo* [May 68 was not there]. Moscow: Ad Marginem Press [in Russian].
- 11 DiMaggio, P.J., Powell, W.W. (1991). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
- 12 Nort, D. (1997). *Instituty, institutsionalnye izmeneniia i funktsionirovaniie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow: Fondy ekonomicheskoi knigi «Nachala» [in Russian].
- 13 Nort, D. (2010). *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii* [Understanding the process of economic change]. Moscow: HU «VShE» [in Russian].
- 14 Greif, A. (2013). *Instituty i put k sovremennoi ekonomike. Uroki srednevekovoi trgovli* [Institutions and the path to the modern economy. Lessons from medieval trade]. Moscow: HU «VShE» [in Russian].
- 15 Adzhemohlu, D., & Robinson, Dzh. (2016). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdeniie vlasti, protsvetaniia i nishchety* [Why are some countries rich and others poor. The origin of power, prosperity and poverty]. Moscow: AST [in Russian].
- 16 Asemohlu, D., & Robinson, Dzh. (2015). *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii* [Economic origins of dictatorship and democracy]. Moscow: HU «VShE» [in Russian].
- 17 Esengaraev, E.Zh. (2003). *Perekhodnoe obshchestvo: institutsionalnyi analiz* [Transitional society: institutional analysis]. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii — Problems of theoretical sociology*, 4, 284–294 [in Russian].
- 18 Esengaraev, E.Zh. (2003). *Reformy i institutsionalnaia teoriia* [Reforms and institutional theory]. *Saiasat–Polisy*, Vol. 4, 48–57 [in Russian].
- 19 Esengaraev, E.Zh. (2002). *Identichnost kak problema sovremennogo mira* [Identity as a problem of the modern world]. *Identichnost v sovremennom mire: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii — Identity in the modern world: Materials of the international scientific-theoretical conference*, 3–10 [in Russian].
- 20 Esengaraev, E.Zh. (2014). *Strukturnyi podkhod k tipologii obshchestv* [Structural approach to the typology of societies]. *Strategiia «Kazakhstan — 2050»: sbornik materialov V Kongressa sotsiologov Kazakhstana — Strategy «Kazakhstan — 2050»: collection of materials of the V Congress of sociologists of Kazakhstan*, 215–223 [in Russian].
- 21 Eizenshtadt, Sh. (1999). *Revoliutsiia i preobrazovaniie obshchestv. Sravnitelnoe izucheniie obshchestv* [Revolution and transformation of societies. Comparative study of societies]. Moscow: Aspekt-Press [in Russian].
- 22 Riker, P. (1995). *Germenevtika, etika, politika. Moskovskie lektsii i interviiu* [Hermeneutics, Ethics, Politics. Moscow lectures and interviews]. Moscow: KAMI ACADEMIA [in Russian].